

Катерина Анатоліївна Прокофьева

Український державний університет науки і технологій (УДУНТ)

Україна, м. Дніпро

ORCID: 0000-0003-4242-3346

DOI: 10.15584/978-83-8277-182-4_9

**Трагедія А.С. Хомякова «Ермак»:
религиософское¹ рассуждение,
стилизация под сибирский колорит
или намеренное упрощение
национального вопроса**

Трагедія А.С. Хомякова «Ермак» (1826) в течение почти двух столетий неоднократно оценивалась критикой, исследователями, коллегами по перу ее создателя. Нельзя сказать, что все отклики были хвалебными. Преимущественно они писались в полемическом тоне, заостряли внимание на литературных недостатках сочинения или художественном «недомыслии» драматурга (Пушкин ПСС т. 11: 180; Полевой 1990: 426–427; Рябий 2008; Юнусов 2003; Анисимов 2004; Кошелев 2004; Пирожкова 2004; Шамшурин 2004). Однако в целом «Ермака» сложно назвать интересным или захватывающим как при чтении, так и при постановке.

Герои пьесы схематичны, сюжет – трафаретен, заранее понятен исход происходящих и будущих событий, «привя-

¹ Имеется в виду религиософия (философия религии) – раздел философии, который занимается вопросами смысла религии, ее закономерностями, концептуализацией ее природы и функций, направлениями религиозного познания.

занных» к историческому происшествию и биографии реального лица. Последовательное изложение содержания трагедии является непростой задачей, занимает много времени для устного пересказа, места для письменного (в чем легко убедиться, обратившись к упомянутой нами работе К.А. Полевого, где пересказ содержания пьесы А.С. Хомякова составляет треть статьи о ней) и требует напряжения памяти.

Трагедия необычайно растянута – 3077 строф, что измеримо, пожалуй, только с шекспировскими творениями («Гамлет» – почти 4000 строф, «Отелло» – 3324, «Король Лир» – 3298), но несоразмерно с ними по количеству персонажей с яркими оригинальными характерами и сюжетной динамикой, отличающих шедевры английского драматурга. Даже пушкинский «Борис Годунов», традиционно зачисляемый в пьесы большие по объему и всегда «урезаемые» при постановках, с учетом текстов, не вошедших в печатную редакцию, содержит 1799 строф.

Кроме того, сочинение А.С. Хомякова полно статичных монологов, неоправданных логикой действия, а диалоги построены по принципу «мыльной оперы», где многократные повторы, тождества, пересказы уже известного персонажам и зрителям предполагают некоторую «глуховатость» первых и заведомую «невнимательность» вторых. «Ермак», по сути, представляет собой не собственно литературное произведение, предназначенное для чтения или театрального воплощения. Это, скорее, драматургические выражение философских (или культурологических) размышлений на тему контраверсии «христианство – язычество» и «восток – запад», что свойственно славянофильским исканиям. Трагедия А.С. Хомякова целенаправленно пытается обосновать превосходство «русских» над другими народами. Оно вызвано, по мысли автора, националь-

ной самобытностью и православной верой, требующей постоянного совершенствования личности, что нередко должно воплотиться в самопожертвовании.

«Ермак» изображает главного героя, эпически действующего, но пребывающего одновременно в конфронтации с самим собой и с социумом, к которому принадлежит. Ермак убил опричника – похитителя своей невесты, любимца Скуратовых, и, оказавшись вне закона, вынужденно занимался разбоем. Он во главе других казаков-преступников отправился в Сибирь в надежде на прощение Иоанна IV, которому своим полководческим талантом завоевал новое царство. Но не все соратники оказывают поддержку атаману, несмотря на захват значительных по размеру территорий. В его ближайшем окружении находятся люди, замышляющие погубить предводителя. Кроме того, Ермак страдает от отцовского проклятия, полагая, что именно этот фактор приведет его к скорой кончине.

Все действие трагедии происходит в ожидании смерти главного героя. Нагнетают это ощущение персонажи А.С. Хомякова, упоминая о проявлениях природы, предвещающих беду.

«Не к добру залаяли лисицы, / Когда мы в темный лес вчера зашли», «шумной тучей / Носились над нашей головой / Стада каких-то черных птиц» (Хомяков 1969: 152, 153),

– делятся опасениями казаки в первом же явлении пьесы. Затем есаул Кольцо обращает внимание своего друга на то, «какие знаменья нам ночь явила»:

«молнии», «буря в небе», «луна, как щит окровавленный», «заря горела кровию», «звезды, / Срываясь с синей высоты небес, / Терялись в пространстве беспредельном, / Лишенные и блеска и лучей», «в глуши лесов безмолвных, одиноких ... / Носился тихий стон и звук оружий». Причем и говорящий, и слушающий осведомлены о том, что «таков всегда бывает вид небес / Пред смер-

тию мужей, тебе подобных, – / Рушителей могущественных царств» (Хомяков 1969: 264).

Однако не только внешние обстоятельства позволяют сделать вывод о летальности происходящего.

О скорой смерти Ермака сообщают персонажи, пребывающие в так называемых «пограничных» состояниях. Отец героя, раскаявшись в проклятии сына, отправляется в Сибирь, чтобы его благословить. Тяготы дороги утомили старика и долгожданная встреча, вызвавшая бурные переживания, сводит Тимофея в могилу. В агонии, в экстатическом бредовом откровении он заявляет Ермаку, что

ждет тебя измены меч кровавый: / Уж в гроб твоя склоняется глава (Хомяков 1969: 255).

Отец и сын четыре года не виделись, потому Тимофей не может знать о кознях злоумышленников из непосредственного окружения Ермака. Его слова звучат не столько предостережением сыну, сколько оповещением о предначертании, открывшемся старику на пороге того и этого света.

Шаман Сибирский, представляющий коренное население аннексированной казаками территории, служитель Рачи, рассказывает Ермаку о двух вариантах его дальнейшей биографии. Первый заключается в том, что храбрый атаман сделается царем Сибири, сохранит обычаи ее народов – «нас оставь служить своим богам» (Хомяков 1969: 217), но в дальнейшем позаботится о независимости державы. Шаман рисует картину славного будущего, ожидающего удачливого полководца:

Прими венец и полети к победам, / От торжества стремися к торжеству. / Перед тобой в ничто падут престолы, / Как перед взглядом утра легкий пар. / Перед тобой Чингис, Тимур забыты, / Пол-Азией твой управляет меч. / Твоим словам вселенная внимает (Хомяков 1969: 219).

Похоже, что со временем сам Ермак превратится в божество. Для направления раздумий атамана в требуемое русло, шаман показывает ему «венец Сибири», которым не обладал поверженный Кучум – властитель-мусульманин, не признанный коренными народностями огромной территории. В отличие от него, атаман может сохранить собственную веру: «будь христианином, как прежде» (Хомяков 1969: 217), – готов к компромиссу жрец-«дипломат».

Второй вариант предполагает печальный исход: «Сибирь погибнет, царство опустеет» (Хомяков 1969: 226), а Ермак, сделавшись «жертвой мщенья», скоро умрет (Хомяков 1969: 227). Шаман говорит, что

...сорок лет пред алтарями Рачи / Молил его, чтоб он тебя склонил / Принять венец, принять престол сибирский (Хомяков 1969: 225).

Выходит, жрецу было известно о вторжении казаков и о бесполезности сопротивления коренного населения.

Ермак отказывается от царства. Жрец уносит «венец Сибири», чтобы бросить в реку. Он, по велению богов, вступает в стовор со сподвижниками атамана Мещеряком и Заруцким, ненавидящими своего предводителя. Ночью в ставку атамана врываются остяки, впущенные в укрепление казаками-предателями. Ермак, окруженный со всех сторон врагами, в пробитых стрелами доспехах, не имеет возможности защищаться. Он взбирается на скалу и оттуда бросается в Иртыш.

Наблюдая самоубийство Ермака, шаман сообщает об источнике своего мистического знания:

Иртыш седой – так зрел я в вещем сне – / Тебя венчал в бездонной глубине, / И сон таинственный свершится: / Где между скал шумит струя, / Венец Сибири бросил я (Хомяков 1969: 277).

Таким образом, оба варианта пророчества сливаются: атаман умирает и это соединяет его с «венцом Сибири».

Жутко звучит песня молодого казака, стоящего на страже в стане Ермака в ночь перед убийством:

Как светло и как весело солнце восходит / На широких придонских полях! / Но светлей, веселее над холодным кладбищем, / На белых, безмолвных гробах (Хомяков 1969: 272).

Она произвольно ужасает самого исполнителя, неожиданно оповещающего о приближении смерти в совершенно, казалось, спокойной ситуации.

Соратники атамана Мещеряк и Заруцкий, охваченные тайной злобой, на протяжении всей пьесы надеются погубить своего предводителя. Они пытаются распалить гнев других казаков, чтобы те взбунтовались перед последней битвой с Кучумом, отказались от военных действий, требовали от Ермака заключения перемирия. Это не удается: казаки поддерживают своего предводителя и выигрывают. Сибирь повержена; о чем царя Иоанна отправляется извещать есаул Кольцо, а завистники затевают очередную интригу.

Миссия Кольца более чем удачна. Всем завоевателям Сибири царь простил прошлые преступления, Ермак назначен наместником покоренной территории, ему посланы именные доспехи – «брóня» и шишак (шлем). Кроме того, есаул везет к Ермаку его отца и невесту, изъявивших желание отправиться в дальний путь. Заруцкий на некоторое время опережает этот кортеж и приносит томящемуся ожиданием атаману иное известие: в Сибирь «с новой сильною дружиной» отправлен воевода,

мы прощены, мы все; / Лишь ты один, о боже, к смертной казни / Ты осужден (Хомяков 1969: 208).

Ермак негодует, действия царя кажутся ему несообразными.

«Сравнил ли ты с заслугами моими / Вины и преступления мои? / Ты взвесил ли с прославленной Россией / Какой-нибудь ограбленный корабль? / О что купцов презренные товары / В сравненьи с царством, покоренным мной?» (Хомяков 1969: 209), – раздражается атаман риторическими вопросами.

Мещеряк, свидетель этой сцены, склоняет возмущенного Ермака к обращению оружия против царского войска. «Будь независим. Сохрани Сибирь, / Но для себя, для нас» (Хомяков 1969: 211), – предлагает он путь к спасению от царских законов, «которых меч кровавый / Каким-нибудь Скуратовым вручен!» (Хомяков 1969: 223). Однако Ермак считает подобные действия «предательством России» и выказывает готовность стоически принять неизбежное. С патриотическим фанатизмом он выкладывает своему советчику такие аргументы, которым очень сложно, практически невозможно противопоставить что-то конструктивное:

И я за то России должен мстить, / Что небо ей послало Иоанна? / Она злодеями растерзана, попрана, / И мне ли кровь ее за то пролить? (Хомяков 1969: 223).

Так Ермак придает полемике иное направление, а Мещеряк и Заруцкий снова терпят поражение.

Подоспевший есаул Кольцо объявляет настоящее царское решение. Теперь врагам уже не атамана, а воеводы-наместника остается только один выход – самостоятельно устранить его физически. Для этого они – соратники Ермака и Шаман Сибирский – объединяют свои усилия. Наблюдая за торжественным облачением воеводы-наместника в соответствующие новому статусу регалии, Мещеряк говорит Заруцкому: «посмотри: / Венчают жертву» (Хомяков 1969: 254). Злодеи не сомневаются в скорой кончине

своего предводителя, хотя в данный момент он пребывает на вершине карьерного успеха.

Наконец, сам Ермак часто говорит о ранней смерти. Он тоже видит сон,

«которым возвращен / Покой в ... волнуемую душу» и слышит «голос с неба», предсказывающий именно такое развитие событий (Хомяков 1969: 171).

Принципиальной мыслью-смыслом, зафиксированной А.С. Хомяковым в драматургической форме, является религиозно-философское заключение, вложенное в уста Ермака:

Над всяким царством есть хранитель тайный, / Могущий дух, иль злобный иль благой, / И дух сей жертвы требует кровавой, / Чтоб примириться с властью чужой (Хомяков 1969: 267).

Боги-покровители территории известны с глубокой древности. Крупнейший историк религии и этнограф С.А. Токарев выявил закономерность распространения языческих культов и выделения в них «более значительных» фигур. Он отметил, что «князья-почитатели бога Гора объединили весь Египет, поставив своего бога выше всех других; позже главенство в египетском пантеоне переходило, по мере смены династий и столиц государства, к богу Птаху, к Атуму (Ра), к Амону. В Месопотамии борьба общин-городов отражалась в выдвижении на первое место то Энлиля, то Нинурты, то Мардука, то Ашура. Образование обширной монархии персидских Ахеменидов означало торжество их национального бога Агура-Мазды над всеми другими» (Токарев 1979: 98). Согласно этому мнению, традиционным считается не мечь поверженных кумиров, а наоборот, процветание победивших, которые становятся объектом поклонения большего числа народов и их предстателей.

А.С. Хомяков, рассматривая противоположную религиозную тенденцию, дает объяснение одной из «темных» сторон российской истории: странному резкому изменению характера и поведения царя Иоанна IV, повлекшему за собой террористические методы его внутренней политики. «Престол Казани! за твое паденье / России мстит жестоко Иоанн!» (Хомяков 1969: 267), – рассуждая о закономерности своей скорой кончины, делает открытие атаман Ермак. Герою представляется оправданной такая компенсаторность миросостояния. «Пусть о твоём свидетельствует мщеньи, / Сибирь, один могильный мой курган» (Хомяков 1969: 267), – предлагает он.

Затем Ермак действует в соответствии со своим самопожертвенным расположением духа. В этом контексте становятся понятными постоянные рассуждения о смерти, исходящие от различных персонажей пьесы, положительных и отрицательных, главных и второстепенных. Боги покоренной территории, «светлые шайтаны», как называет их местный служитель культа, извне навязывают окружающим эту мысль, доводят до претворения в жизнь убийственные умонастроения. В черновом варианте трагедии, Ольга, невеста главного героя, бросалась в Иртыш вместе с ним. При этом еще один персонаж, Молодой шаман, принимал девушку за «шайтанов дочь» – посланницу небес, которая «слетает к смертным в час последний, / Чтоб жизнь они покинули без слез» (Хомяков 1969: 540). Такое решения драматургом финала пьесы было не случайным. Оно закономерно замыкало витальный и семантический круги, говорило о включенности потустороннего мира в земные процессы.

Драматург изучил биографию исторического Ермака (1530–85): Василия, по другим данным Ермака Тимофеевича Аленина (Ермак – прозвище атамана; это котел, в ко-

тором кашеварили на струге). Он ориентировался в характере взаимоотношений сибирских властителей, в частности хана Кучума (?–1598), с коренными народностями огромной территории, живущими родоплеменным строем. Создатель пьесы знал имена сподвижников атамана – Ивана Кольцо (?–1583), Никиты Пана (?–1583), Матвея Мещеряка (?–1587), военачальника, племянника и зятя Кучума – Мехмета Кулы (Мухаммеда-Кули, Маметкула, ?–1618), плененного Ермаком. Не были тайными для А.С. Хомякова причины и перипетии казацкой экспансии на восток, связанной с расширением уральских владений промышленников Строгановых.

Несомненно, данные эти почерпнуты из Строгановской летописи («О взятии сибирской земли» 1620–30 или 1668–73). Она, единственная из Сибирских летописей, была издана ко времени работы А.С. Хомякова над пьесой (СПб: Изд-во Спаского, 1821). Кроме того, именно Строгановская летопись логически соединяет Казань и Сибирь, обосновывая геополитическое расширение Московского царства. Также не вызывает сомнений знакомство драматурга с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина, девятый том которой был опубликован в том же 1821 году. Он содержит повествование о походе Ермака, пронизанное идеей превращения преступника в князя Сибирского – мимикрии, оправданной государственной властью. Здесь же упоминается и божество Рача, малоизвестное широкой публике.

Возможно, что драматург, писавший «Ермака» в Париже, обращался к сочинению Н.К. Витзена «О северной и восточной Тартарии» («Norden Oost Tartarie ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen on volken, zo als voormals Eekent zyn geweest, benefens versiherde tot noch tue onbekende lantstrecken [...] in de Noorder en Oosterlyckste

Gedeelden van Asia en Europa», Амстердам, 1692). Автор этого труда, голландский дипломат, юрист и этнограф, в 1664 году прибыл в Россию с научной целью. Он собирал материалы, знакомился с находившимися в Москве представителями разных народов: самоедов, татар, персиян. Витзен записывал их рассказы, составлял карты Сибири, чертил планы городов. Это сочинение выглядело во времена А.С. Хомякова авторитетным и информационно емким источником.

Однако использование почерпнутых сведений, в том числе исторических, в пьесе было направлено в русло религиозно-философских и вытекающих отсюда историко-философских рассуждений. Драматургический атаман Ермак сделался много моложе своего прототипа. Герои говорят о его «юной главе», в то время как историческому Ермаку было за пятьдесят, что для средневековья – весьма преклонный возраст. Ему приписаны душевные терзания, связанные с деяниями прошлого. «Мои победы, слава труды / Не воскресят погибшего навеки: / Я был преступником» (Хомяков 1969: 202–203), – патетически возглашает герой А.С. Хомякова, хотя казацкие набеги откровенно незаконными акциями в то время не считались. Исторический Ермак подвергся справедливому преследованию со стороны правительства Иоанна IV за то, что его дружина ограбила посольства – московское, следовавшее в Ногайскую орду, и ордынское, следовавшее в Москву.

Вместо этого в фабулу пьесы введены сложности взаимоотношений атамана с царским любимцем Г.Л. Малютой-Скуратовым (?–1573), а материальная и юридическая поддержка сибирского похода семейством Строгановых (фактических уральских наместников) исключена из нее. Участие Ермака во главе казацкой дружины в Ливонской войне (1558–83) и защита Москвы от нападения Давлет-

-Гирея (1571) представлены в виде несбывшихся мечтаний о прославлении своей родины.

Я чувствую, со мной была б победа, / Ты Польша, пала бы; ты пала б, гордость шведа; / И, поразив коварный Крым, / Я бы поставил град священный / На высоты, отколе древний Рим / Гремел над трепетной вселенной (Хомяков 1969: 205),

– сокрушается о нереализованном полководческом потенциале герой А.С. Хомякова.

Персонажи, окружающие Ермака, большей мерой также лишены исторического правдоподобия. Они функционируют в виде носителей определенных тезисов, объясняющих или иллюстрирующих религиозно-философские раздумья драматурга. В пьесе все направлено на религиозную систему ценностей, объясняющую мировоззрение персонажей.

Исторический Матвей Мещеряк, один из сподвижников атамана, продолживший дело покорения Сибири после смерти своего предводителя, участвовавший в разгроме Ногайской Орды, превращен драматургом в противника героя. Он, обуреваемый низменными чувствами, организовывает убийство сибирского наместника, заключив преступное соглашение с шаманом. Потому драматургический Мещеряк закономерно наказан в финале пьесы. Его, пораженного копьем Ермака, добивают сообщники-остяки.

Тимофей Аленин показан в пьесе исключительно для реализации мотива «родительского проклятия», одинаково губительно действующего и на отца, и на сына. Атаман говорит о «тягостном бремени», возлегшем в душе, «вечном стыде», который невозможно спрятать даже, если «венец / ... чело преступное покроет», памятнике «раскаянья – не славы» и «горючих слез» (Хомяков 1969: 155, 156, 157). Ермак, по сути, *забирается* в Сибирь, гонимый опрометчивыми словами Тимофея, преследующими «среди бурных

сеч, среди победных кликов, / Среди побед, средь тишины
ночной» (Хомяков 1969: 155). Но и отец все это время не
знает покоя, делается «еще несчастней»:

Стонать, страдать, и день, и ночь лить слезы, / Для них склоняться
на бессонный одр, / Для них лишь взор свой открывать с зарею, /
Страшиться смерти, ненавидя жизнь, / Весь ад носить в себе (Хо-
мяков 1969: 195).

так описывает Тимофей свое состояние.

Показательным становится момент встречи героев. Прошедшие четыре года на столько изменили их внешность, что отец и сын не сразу узнают друг друга. Поначалу они общаются как посторонние люди – соотечественники, пути которых волею случая пересеклись на чужбине. Счастливое восстановление родственных уз не приводит к благополучной развязке, наоборот, ускоряет летальный исход для обоих героев. Разрушающее действие проклятия, по мысли драматурга, невозможно отменить или хотя бы замедлить его ход.

Важной, на наш взгляд, является негативная оценка мусульманского вероисповедания, данная в пьесе относительно персоны Кучума – шестого (и последнего) сибирского хана, именовавшегося так с 1563 года. Ермак говорит о «*татарина неверных обещаньях*» (Хомяков 1969: 180), хотя по национальности Кучум – монгол. Он – представитель династии Шейбанидов, прямой потомок Чингис-хана от внука Шибана (пятого сына хана Джучи). Шаман вещает:

Кучум отвергнут Рачей всемогущим / За то, что он покрыл
свою главу / Презренною чалмою иноземцев (Хомяков 1969: 216).

Речь идет о принятии ислама сибирским ханом и последовавших за этим военных неудачах.

Исторический Кучум после официального присоединения Сибири к Московскому царству еще несколько лет собирал войска, надеясь вернуть верхнеиртышские земли. В 1598 году весь отряд Кучума был истреблен, семейство захвачено в плен и отправлено в Москву (а это восемь жен с детьми), сам он едва уцелел. Спасаясь, бывший сибирский хан бежал к ногаям, где был убит. «Его глава / Да будет снесию волков пустынных!» (Хомяков 1969: 216), – говорит шаман, словно знает дальнейшую судьбу Кучума.

В финно-угорской культуре, к которой принадлежат выведенные в пьесе остяки (то есть, ханты), институт шаманства занимал значительное место. У народов Северной и Восточной Евразии, а также Северной Америки, находившихся на родоплеменной стадии, он был развит исключительно. Шаманизм – это сложное учение о многослойности мира и избранничестве отдельных личностей для служения духам. Такой служитель культа – центральная фигура шаманской мифологии – выполнял в родовом коллективе разнообразные функции: жреца, хранителя преданий, гадалея, врачевателя. Одним из обязательных его умений было приведение себя в экстатическое состояние для общения с духами, именуемыми «свитой», «силой» или «войском» шамана (Новик 1992; Фанталов 2023). В этом плане образ, созданный А.С. Хомяковым, едва ли не единственный в пьесе, правдоподобен и соотнесен с культурной реальностью.

Шаман Сибирский видит вещие сны, знает будущее, читает по звездам, общается с духами. Логично приписан этому персонажу зооморфизм мышления. Предложение Ермаку «венца Сибири» он облакает в форму сравнения с животным миром. Шаман сопоставляет бесстрашного атамана с бабром (тигром), говоря, что он – «ловцов отважных трепет» и беркутом, который «пернатых грозный

царь» (Хомяков 1969: 216). Мещеряк задает шаману вопросы, касающиеся успешности покушения на Ермака: «какие войска ждут твоих велений?» и «эта рать бесстрашна и надежна?» (Хомяков 1969: 234). Тот в ответ рисует картину, убеждающую слушателей-сообщников:

Пятьсот бойцов скрываются в лесах, / Как я, горящие враждой
священной, / Готовые, как я, идти на смерть. / Одно лишь слово,
и они стремятся (Хомяков 1969: 234).

Создается впечатление, что в распоряжении шамана действительно находятся «неземные» сверхъестественные силы.

Однако другие религиозные персонажи пьесы, приписанные автором завоеванным осякам, весьма условны. Их верховное божество, названное Рача, вероятно, восходит к Рашапу (Решефу) – богу огня, молнии, войны, оружия в западносемитской мифологии, губителю, насылающему мор. Он также почитался на Кипре, отождествлялся с шумеро-аккадским Нергалом, палестино-ханаанейским Микалем, Аполлоном эллинистического периода. Шайтаны, которым Шаман Сибирский иногда дает эпитет «светлые», являются своего рода духами-покровителями территории, но автор пьесы имеет эклектичные представления о них. По мусульманским поверьям каждого человека сопровождают ангел и шайтан, то есть в нашем понимании – бес. Возможно, что в «светлых шайтанах» воплощаются древние домонотеистические божества. Но их «покровительство» не спасает от порабощения народы Сибири. И в целом все воспроизведенные А.С. Хомяковым религиозные традиции формируют смысловое поле, где Бог – и христианский, и «местный» – не столько милосердный, сколько мстящий и карающий.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. А.С. Хомяков-драматург сознательно уходит от

изображения рациональной цели похода Ермака. Он выдвигает на первый план провиденциалистические условия бытия, базирующиеся на идее вины и отмщения. В пьесе это реализуется через мотив обязательной расплаты за преступления. Ее события обосновываются воздействием потусторонних сил, проявляющихся в виде вещей снов, знамений, пограничных состояний персонажей. Образы героев подчинены не логике развития характеров или обоснованию причинно-следственных связей исторического процесса, а сосредоточены на раскрытии религиозофилософских и отчасти национально-культурных тезисов А.С. Хомякова-философа.

Библиография

- Анисимов К.В., *Н.М. Карамзин и его последователи – интерпретаторы Стrogановской летописи: [литературно-историческое осмысление средневековых известий о Ермаке в «Истории» Н.М. Карамзина и в трагедии А.С. Хомякова «Ермак»]*, «Филологич. науки» 2004, № 4, с. 3–12.
- Кошелев В.А., *Хомяков и граф А.К. Толстой: русская историческая мифология в литературном осмыслении*, «Рус. лит.» 2004, № 4, с. 85–105.
- Новик Е.С., *Шаманская мифология [в:] Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 томах*, т. 2, Москва 1992, с. 638–639.
- Пирожкова Т.Ф., *«Золоторассыпчатый»: [о литературном творчестве Алексея Степановича Хомякова]*, «Вестник Моск. ун-та», сер. 10. Журналистика 2004, № 6, с. 26–37.
- Полевой К., *Ермак, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Алексея Хомякова [в:] Н. Полевой, К. Полевой, Литературная критика. Статьи, рецензии 1825–1842*, Ленинград 1990, с. 417–428.
- Пушкин А.С., *Полное собрание сочинений [в 17 т.]*, Москва–Ленинград 1937–1959.

- Рябий М.М., *А.С. Хомяков глазами славянофилов*, «Науч. докл. высш. школы. Сер. Филол. науки» 2008, № 4, с. 91–99.
- Токарев С.А., *О религии как социальном явлении*, «Сов. этнография» 1979, № 3, с. 87–105.
- Фанталов А., *Финно-угорские народы. Мифы и история* [электронный ресурс], Финно-угорские народы: очерки истории: Сайт. 1998–2023. 4,09 Кб. Доступ к режиму: <http://www.mythology.webhost.ru/finno-ugrian0.htm>.
- Хомяков А.С. *Ермак*: Трагедия в 5 д. [в:] А.С. Хомяков, *Стихотворения и драмы*, Ленинград 1969, с. 151–277.
- Шамшуринов А.В., Шамшуринов В. И., *Концепция слова А.С. Хомякова, «Человек»* 2004, № 2, с. 112–122.
- Юнусов И.Ш., *Проблема национального характера в драматургии А.С. Хомякова*, «Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология» 2003, № 12, с.74–83.

**The tragedy of A.S. Khomyakov “Ermak”:
religious-philosophical reasoning, stylization under Siberian color
or intentional simplification of the national question**

Summary

We analyze a drama work as a carrier of religious and philosophical points. In the play on the background of a historical event, the opinion about the gods as the land protectors, who revenge the conquerors, is stated. The study of the historical and religious-philosophical layers of interaction of the work results in the conclusion that the semantics expands in the play, which has traditionally been considered as “boring” by the researchers and related to the “second” literary series.

Keywords: tragedy, Khomyakov A.S., “Ermak”, religion, history